

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

А.А. Шафалович

Белорусский государственный экономический университет,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Автор статьи рассматривает роль верховенства права в современном обществе как важнейшее условие успешного инновационного развития. Автор анализирует влияние соблюдения законов, уважения прав и свобод граждан на формирование стабильной и предсказуемой правовой среды, способствующей расцвету инноваций. В статье также обсуждаются вызовы и препятствия на пути к обеспечению верховенства права и предлагаются практические рекомендации для укрепления правовых институтов в целях стимулирования инноваций и экономического развития.

Ключевые слова: верховенство права, социальный регулятор, право, экономика, технические нормы, дегуманизация права, правовое регулирование, источники права.

Введение. Верховенство права в большинстве случаев изучалось в контексте правового государства. Начиная с его классической теории британского юриста А. В. Дайси, оно стало аксиомой для юриспруденции и не изучалось в ином, вне правового государства, контексте. Мы предлагаем обратить внимание на верховенство права под углом соционормативной системы современного общества, как условие инновационного развития.

Основная часть. Итак, если для юриспруденции вопрос о месте права решен положительно в пользу его приоритета перед иными социальными регуляторами, то для социологии права этот вопрос решается иначе. При ближайшем рассмотрении верховенство права среди иных социальных регуляторов не выглядит общепризнанной аксиомой. Определяя место права в современной соционормативной системе, право можно оценить как не самоценное, а «обслуживающее» и «догоняющее». Дело в том, что право далеко не во всех правовых системах в принципе способно занимать лидирующие позиции. Так, в религиозных правовых системах, системах обычного права и социалистического права оно синкретичное, т.е. вообще не самостоятельное.

Кроме того, в общемировом масштабе доля теневой экономики, которую обслуживает теневое, неофициальное право, составляет 5-10% валового продукта, а в транзитивных государствах еще более: 40-50%. Да и цифровая экономика и глобализация обостряют вопрос о способности права

адаптироваться к новым экономическим условиям. Поскольку скорость появления и исчезновения новых экономических явлений заметно выше скорости нормотворческой деятельности государства (но не правотворческой в целом), право становится не просто «обслуживающим» экономику, но и «догоняющим» ее. Как социальный регулятор, хотя и ненормативный, современная экономика намного прагматичнее, гибче и динамичнее, чем право.

Итак, с точки зрения, социологии права, у права, как социального регулятора имеется множество конкурентов. Кроме того, тревожные тенденции в т.н. «чисто правовой» сфере. Псевдоправовые ценности, бурно охватившие правовую зону в последнее десятилетие в западном варианте права прав человека, появление множества новых прав человека в купе со «старыми» проблемами с защитой фрагментируют право и размывают саму идею прав человека подобно тому, как множество видов суверенитета размывают суверенитет.

Глобализация одновременно с ослаблением управляющего потенциала государства девальвирует прежние представления о регулятивной роли права. Вместо национальных парламентов институтами системы регуляции связанных с экономикой отношений, все чаще становятся весьма специфические корпорации: МВФ, Всемирный банк, ВТО и т.п. По итогу в юридическую форму облакаются и легитимируются субъективистские интересы, в п.о., сверхкрупного капитала. Выходом в сложившейся ситуации видется уже даже не просто конституционная идентичность, а правовая идентичность как способ укрепления собственных, национальных центров принятия решений, которые смогли бы оценить навязываемые государствам стандарты развития, а по итогу унификации с собственной позиции оценки их благоразумия.

Не в последнюю очередь утрата правом своего авторитета обусловлена поведением самих его «хранителей» – юристов, их нигилизмом и низкой правовой культурой, неготовностью к защите правовых ценностей. Закономерен вопрос: «Если право не ценность для самих юристов, почему оно должно быть ценным для других лиц?». Здесь способом усиления авторитета права видется развитие института ответственности за нарушение норм профессиональной юридической этики. И возможно одним из средств является ее юридикация.

«Самоценному» праву свойственна охрана таких правовых ценностей, как: человек как высшая ценность, правовой закон (законность), правовое социальное инновационное государство, общие принципы права, высокий уровень правосознания и др. «Работающее» право выступает непреложной ценностью, без которой цели устойчивого инновационного развития не достижимы. Верховенство права важно не только для права, но и для всех других социальных регуляторов, которые «страдают» от его отсутствия. Беда, если право не «работает», если оно отошло от параметров своей божественной сущности, объективно-субъективной природы и

сбалансированности. Как подчеркивал профессор С.Г. Дробязко, по своей природе в праве первично объективное начало, а лишь потом следует субъективное [1, с. 45]. Именно этот момент обеспечивает балансирующую роль права в общественном развитии. Злоупотребление субъективным началом в праве лишает его устойчивости и общесоциальной сущности, превращая его в антипод.

Помимо того, свойства права как социального регулятора ослабляют технократизация государства и, как ее следствие, дегуманизация права. Эти тренды возникли еще в период расцвета юридического позитивизма и о них писал еще П.И. Новгородцев, призывая вернуться к естественному праву в силу нравственной необходимости [2, с. 93–98]. В современном обществе в условиях техногенного роста технические нормы, даже не будучи правилами поведения для людей, начинают создавать конкуренцию праву. В мировой нормотворческой практике наблюдаются два возможных подхода к соотношению технологических и правовых норм:

1) технологические нормы обеспечиваются непосредственно самими используемыми цифровыми технологиями и не признаются правовыми нормами, и не подкрепляются силой государственного аппарата. В этом случае технологии фактически подменяют право, и праву потребуется дополнение технологическим методом регулирования (М.В. Мажорина [3, с. 99–101]);

2) государство придает программному коду и др. техническим нормам нормативный правовой характер. Это влечет за собой «изменение традиционных форм права и потенциально возникновение новых» (Р.В. Амелин, С. Е. Чаннов [4, с. 13]). Белорусский законодатель, согласно п. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», придал техническим актам силу нормативных правовых актов.

Лавинообразное увеличение сфер деятельности, где внедряется искусственный интеллект, усиливает тревожную тенденцию дегуманизации права. Биоэтическая сторона дегуманизации права успешно изучается российскими: профессором В.В. Лапаевой [5, с. 4–35] и академиком

Т.Я. Хабриевой [6, с. 5–17]. В технологическом же плане, по нашему мнению, дегуманизация права проявляется:

1) в наделении нетрадиционных для современного права субъектов правосубъектностью (электронное лицо или электронное административное лицо),

2) в вытеснении человека из цепочки «норма-адресат» посредством машинописанного и машиноисполняемого права,

3) в «экспансии технологических норм» [4, с. 12] такого масштаба, что Т.Я. Хабриева утверждает об «утрате правом нормативности» [6, с. 13],

4) в деградации способностей человека по мере его самоотстранения или его устранения от освоенных им видов деятельности. В.В. Лапаева отмечает «качественно новый, постчеловеческий ... характер высоких

технологий XXI века, которые меняют не только внешнюю по отношению к человеку среду, но и самого человека» [5, с. 4–35]].

В то время, как уровень осознания искусственного интеллекта юриспруденцией и его правового регулирования очень низки, он стремительно покоряет один за другим виды человеческой деятельности, создавая конкуренцию человеку, а в последствии и вытесняя его. В силу чего дегуманизация права в технологическом плане нами понимается как утрата человеком значимости в качестве основного субъекта правоотношений и вытеснение человека из традиционных видов правовой деятельности, вследствие его недостаточной функциональной эффективности.

Использование искусственного интеллекта в праве нами оценивается как вызов верховенству права человеческому. Отличием дегуманизации под воздействием внедрения искусственного интеллекта от дегуманизации вследствие признания субъектом права юридического лица считаем тот факт, что у сверхмощного искусственного интеллекта наличествуют элементы сознания (иного сознания), которое может конкурировать с человеческим сознанием. Пока еще право антропоцентрично (человекоориентированно), но это только пока искусственный интеллект в начальной стадии своей эволюции. Несмотря на множественные высказанные учеными предостережения, проблемы использования искусственного интеллекта в праве «забалтываются», срабатывает принцип «собака лает, а караван идет». В плане задач устойчивого инновационного развития правовой системы есть риск, что, решая малые проблемы, мы создаем большие.

Полагаем, жизненной необходимости широкого внедрения технологий искусственного интеллекта в право нет вообще, поскольку мы даже не пытались использовать весь потенциал права человеческого, чтобы «расписаться в его бессилии».

Полагаем, потребность в верховенстве права обусловлено его ролью, как важнейшего соционормативного гаранта безопасности технологического развития общества. Надо понимать, что опасность цифровой диктатуры или иных негативных последствий неосознанного техногенного давления вполне может исходить даже не столько от государств, сколько от частных лиц, обладающих сверхкапиталом. Поэтому возвращение праву «титула» верховенствующего социального регулятора становится насущной задачей для устойчивого инновационного развития. Что для этого нужно?

Во-первых, нужна стратегическая перезагрузка. Нужно помнить, что ведущая сторона инновационного развития – это сама стратегия, т.е. концепция инновационного развития, в частности, а технологическая сторона развития всегда вспомогательная. Новые технологии в старых парадигмах равнозначны новому вину в старых мехах. Здесь без смены стратегии правового регулирования не обойтись. Основными ее направлениями считаем: сбалансированность, перманентная модернизация

и с ускорением, частно-государственное партнерство, модель права – «редуктор сложности» и стратегическое планирование.

Во-вторых, нужно формировать правовую идентичность, означающую критическую оценку всех настойчиво продвигаемых извне правовых стандартов по критерию их безопасного использования для людей, проживающих на территории Республики Беларусь.

В-третьих, обновление всего регулятивного правового инструментария для целей инновационного государства. Переход права от «догоняющего» к «опережающему» требует источники права нового типа: разнообразные, сбалансированные, гибкие, универсальные, легкоприменимые в самых разных юрисдикциях; прагматичные, децентрализованные, недетализированные, т.е. не коллизионные и нефрагментарные; уравнивающие свободу усмотрения субъектов права и одновременно их ответственность; неустаревающие; простые, доступные для понимания широкого адресата, самоисполняющиеся.

В-четвертых, переход права от «обслуживающего» другие социальные регуляторы к праву «самоценному» актуализирует потребность в усовершенствовании института юридической этики и ответственности за нарушение ее норм.

Заключение. Таким образом, верховенство права становится важнейшим условием для устойчивого и безопасного инновационного развития общества и государства.

Список использованных источников:

1. Дробязко, С. Г. Общая теория права: учеб. пособ. для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 6-е изд., исправл. – Минск: Амалфея, 2013. – 496 с.
2. Овчинников, А. И. Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства / А. И. Овчинников // Вестник юридического факультета Южного Федерального университета. – 2021. – Т.4. – № 8. – С. 93–98.
3. Мажорина, М. В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже / М. В. Мажорина // *Lex russica* (Русский закон). – 2019. – № 7 (152). – С. 93–107.
4. Амелин, Р. В. Основные направления влияния цифровых технологий на право / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов // Информационное право. – 2020. – № 3. – С. 9–16.
5. Лапаева, В. В. Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации / В. В. Лапаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 3. – С. 4–35.
6. Хабриева, Т. Я. Идентификация права в современной социальной регуляции / Т. Я. Хабриева // Вопросы философии. – 2021. – № 12. – С. 5–17.